

ЯЗЫК И РЕЧЬ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА: СТЕРЕОТИП И ТВОРЧЕСТВО

Е.Н. БЕКАСОВА

*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)*

УДК 81'271
ББК Ш100.3

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОРЕНБУРЖЬЯ: ОТ КУЯНА ДО ВАУЧЕРА

Аннотация. В статье рассматриваются изменения языковой ситуации Оренбургского края, оставляющие определённые «следы» в антропонимической системе, которая позволяет открывать механизмы словотворчества в современных условиях.

Ключевые слова: языковая ситуация, функциональная парадигма языка, языковые изменения, диалект, антропонимика, прозвища.

Исторически сложилось так, что территория будущей Оренбургской области на протяжении нескольких тысячелетий характеризовалась широким полиэтническим составом под влиянием природных и социально-политических факторов, а также в связи с высокой степенью миграционных процессов.

Расположение между Волгой и Тургаем, уральской тайгой и арало-каспийскими пустынями определяло статус своеобразных урало-каспийских ворот и способствовало прохождению через эту огромную территорию множества народов – савроматов, сарматов, угров, аланов, гуннов, печенегов, половцев, ногайцев, хазар и др., которые, ненадолго задерживаясь, ассимилировали местное население, оставляя следы своего пребывания, в том числе и в языковой ситуации.

Оренбургская губерния формировалась как многонациональный и поликонфессиональный край, где по-прежнему силь-

ны миграционные тенденции. В XVIII–XIX вв. речь выходцев более 20 губерний Российской империи смешивалась с говорами казахских племён, башкир и татар, а уральское казачество «сдабривало» эту смесь как иноязычными заимствованиями, почерпнутыми в многочисленных походах, так и церковнославянскими элементами ревностных хранительниц древнего благочестия. Оренбургская область в связи с освоением целинных земель, а затем и Оренбургского газового месторождения «прирастала» людскими ресурсами всего Советского Союза, а в постперестроечный период – выходцами из ближнего зарубежья, прежде всего из Республики Казахстан, с которой имеется протяжённая граница на востоке и юге (1876 км.).

В.И. Даль первым отметил целый ряд особенностей языковой ситуации территорий позднего заселения [Бекасова 2012 б)] на примере Оренбургской губернии: «Оренбургская губерния, заселённая искони инородцами, большею частью кочевыми, наполнилась русскими двадцати губерний в течение последних ста лет; поэтому общего наречия в губернии этой нет; но у старожилов уже сложились некоторые особенности» [Даль 1998: LXXIII]. При этом «хотя язык уральских казаков и нельзя назвать особым наречием, но у них много особенных выражений и оборотов, и говор их так отличителен, что уральца всюду узнать можно с первых слов ... происхождение его от безымянной вольницы» [там же].

Такая особенность формирования и бытования новых систем говоров обуславливает широкие процессы интерференции: «в Саратовской и Оренбургской губерниях, населённых в нынешнем веке, и отчасти в последнее время, выходцами двадцати губерний, довольно легко, по наречию, узнавать происхождение переселенцев; затруднительнее это, когда старики уже вымерли, а молодое поколение исподволь привыкает к говору местному, особенно же если селение сбродное, из переселенцев разных мест, и молодёжь между собой освоилась и свыклась» [Даль 1998: LI]. Наряду с этим происходит и нивелирование диалектных особенностей, так как «образованность и просвещение сглаживают постепенно различие наречий, проходя повсюду с уровнем своим» [Даль 1998: LVI].

Эти наблюдения В.И. Даля подтверждаются современной ситуацией на территории Оренбургской области, где фактически разрушены системы былых говоров. За годы советской власти практически полностью было уничтожено казачество. Выжившие «родительницы» – столетние казачки – даже в 70-е–80-е годы гордо отказывались разговаривать с собирателями фольклора и диалектов. Во время освоения целины (50-е годы) и открытия газового месторождения (70-е годы) Оренбуржье захлестнула волна миграции населения; перестройка опустошила сёла [Бекасова 2002; 2008; 2010а; 2011]. Своеобразное «перемешивание» языков и культурных традиций происходит и сейчас, когда на смену одним переселенцам приходят другие, чаще всего из ближнего зарубежья.

В настоящее время в Оренбургской области остались немногочисленные поселения с устойчивым составом. Как правило, это старые, казачьи деревни, где в антропонимической системе представлены «сколы» прежней языковой ситуации, например, в сохранении так называемых уличных фамилий. В частности, в 1836 г. в деревне Городище в проживало 2097 человек и имелись 200 фамилий, в результате чего за почти двухсотлетнюю историю многие села получили «придаточные имена» [Даль 1998 (т. 3): 485]. Дифференциация шла по территориально сложившемуся делению села (*Востоковские, Угляне, Куток, Кировские, Октябрьские*) и по семьям (Завалишины: *Мелея, Суслик, Корней, Бахча, Рядовой, Халява, Бурёнка* и др.). Прозвище учитывалось и учитывается сейчас в официальных документах (при начислении зарплаты, выдаче пенсий и корреспонденции), обычно его пишут карандашом, чтобы избежать наличия тёзок, которые нередко представлены всей формулой личного имени. Например, в Городище проживают три Завалишина Александра Ивановича, два из которых имеют прозвища – *Корней, Мелея*; три из четырёх Рязановых В.И. также помечаются прозвищами: *Кузенья, Самовар, Сокол*; Тулинцевы В.И. различаются как *Васян, Хатёк, Хромой*. Старинные уличные и семейные прозвища жителями Городища воспринимаются как нечто естественное, соединяющее их с предками, поэтому носят их с достоинством. Более того, ощущая себя единым родом, городи-

щенцы принимают общее сельское прозвище – *Чинёнки* (по местной легенде, за умение готовить большие пироги, начинённые пареной тыквой). Уверенность в своей особенности и чувство превосходства казаков привело к появлению прозвища для всех приезжих – *Наплывь* (по В.И. Далю, «всё, что наплыло куда, нанос, наволок; отвердевший осадок, накипь; болезненный нарост на деревьях» [Даль 1998 (т. 2): 451-452]).

Следы подобных прозвищ – своеобразного «дедичества» – редко встречаются в других населённых пунктах Оренбургской области. Например, в одном из сёл Пономарёвского района многочисленных Болдыревых разделяют по прозвищам прадедов на *Петряев* (за ласковое прозвище *Петряй* от имени Пётр), *Чайников* (за похвальбу прадеда чирьем на своём носу, который он называл чайником), *Рыжковых* (за цвет волос, который потомки не унаследовали). Респондент подчёркивает: «Если в село приезжают незнакомые люди и спрашивают: «Где живут Болдыревы?» – то в ответ слышат: «А какие Болдыревы?». Такое наследственное прозвище может функционировать не только в качестве фамилии всех потомков (*Резонансы* – от любимой присказки деда «Никакого резонанса»), но может избирательно применяться только к мужчинам (*Балабол*, *Хануга* – по качествам личности прадеда) или становиться прозвищем женщины (*Анна Кутынична* – от прозвища прадеда *Кутынька*) (подробнее см.: [Бекасова 2003]).

В станице Чернореченской Оренбургского района уличные (или семейные) прозвища имеют более древние корни: они или указывают на место, откуда пришли предки (*Вотинцевы* – с реки Воты, *Волженцевы* – с Волги, *Донсковы* – с Дона), или на ремесло первых переселенцев (*Бочкарёвы*, *Смольниковы* – изготовители бочек, *Колбасниковы* – производители колбасы), или по имени садчика – выборщика новых земель, который руководил переселением общины крестьян (*Ремеевы* – по прадеду Еремею, *Фомаевы* – по Фоме).

Оренбургская область характеризуется практически полным разрушением диалектных систем, однако ряд прозвищ своеобразно «консервирует» ранее бытовавшую диалектную лексику, при этом диалектные по происхождению прозвища

Оренбуржья имеют различные, но, несомненно, очень древние корни. Например, прозвище *Микина* (так указал респондент, видимо, фиксируя иканье) мотивируется «бесшабашной тупостью» носителя. Судя по «Словарю русских народных говоров», *мякина* – название маленьких детей, детское прозвище [СРНГ, в. 19: 77] – в нашем случае оно закрепляется за взрослым человеком, закостеневшим в детской бесшабашности и неразвитости. *Лямза* – «мужчина маленького роста, пристающий с расспросами и разговорами» – имеет в Словаре другие значения: 1. Растяпа, ротозей. 2. Медлительный в работе, нерасторопный человек. 3. Вор [СРНГ, в. 17: 274], однако глагол *лямзиться* – напрашиваться на дружбу, подлаживаться к кому-либо с корыстными целями (Ср. Урал, Зауралье) – сохраняет семантическое значение анализируемого прозвища.

Следует отметить, что в прозвищах фиксируется диалектные слова говоров, территориально далёких от Оренбуржья, например, архангельских, пинежских: *Марьюха* – «плохо слышащая женщина», в северных говорах – «самка тетерева-косача» [СРНГ, в. 17: 379], который, как известно, во время токования ничего не слышит.

Меткое диалектное слово накрепко приклеивается к его носителю, высвечивая наиболее яркую его особенность, получая новые семантические оттенки, например: *Клушка* (прозвище старшего брата, который ухаживал за своими двумя маленькими братьями), *Комольый* (учитель физкультуры с залысынами, ср.: *комольый* или *комлатый* – безрогий [Моисеев 2010: 62]); *Ковыляй* (ходит чуть-чуть прихрамывая); *Кук* (дед валял-от валенки, был валяльщиком, от куколь – войлок), *Дед Руда* (дед до самой глубокой старости оставался ярко-рыжим, то есть *рудым* [Моисеев 2010: 150]) и под.

Смешанный этнический состав населения Оренбуржья приводит к своеобразной контаминации разноязычных слов в составе прозвища типа *Корноухий Фаткула* (проиграл ухо в карты) или слиянию генетически неоднородных элементов типа *Усманиха*, *Шайтаниха* (женщины, мужей которых зовут Усман и Шайтан), *Габычиха* (дочь, по отчеству, вместо Габайдулловна (Габайдулла > *Габыч*), *Файзуленок* (сын, по отчеству от имени *Файзула*) и под.

[Бекасова 2012а]. Подобные прозвища – яркое проявление интерференции разных языковых систем, свидетельствующее о восприятии тюркских имён в сознании носителей русского языка как реальности, лишённой статуса «чужого» [Бекасова 2013а, б)].

Реже встречаются прозвища тюркского происхождения, которые на определённой территории понятны и для русскоязычных, например: *Каскыр* < волк, *Куян* < заяц и др. Однако такие прозвища не тождественны простому переводу, так как у зафиксированных в нашей картотеке 6-ти носителей прозвища *Каскыр*, как правило, отмечаются наиболее отрицательные черты хищника – злость, ненасытность, подлость, вредность и под. Аналогичная картина с носителями прозвища *Куян* (12 человек), где подчёркивается нелюдимость, угрюмость, одиночество, отсутствие семьи и друзей, отшельничество или проживание на краю деревни. Интересно то, что зафиксированное в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово ‘*куянь*’ (татар., *оренб.* – *ушкан, заяц* [Даль 1998 (в. 2): 230]) не только живёт в номенклатуре современных оренбургских прозвищ, но сохранило семантическое уточнение, обусловившее вхождение в систему русского языка тюркского слова, которое заполнило определённую языковую лакуну. Об этом свидетельствует рассказ одного из старожилов с. Паника Бузулукского района Оренбургской области, который ссылается при объяснении прозвища на первичное значение старого заимствования: «*Куян* – это прозвище Клетушкин И.Н. получил ещё в детстве. Он был небольшого роста и кривоногий, очень быстрый (шустрый), а друзей у него не было. Напоминал он этим зайца-отшельника, зайца-одиночку. У нас таких зайцев называют *куянами*. Все уже и забыли его настоящую фамилию и называют его Куянов И.Н.». Налицо семантическая градация синонимического ряда *заяц* – *ушкан* – *куян*, в котором тюркизм обозначает матёрого зайца-самца, одиночку и отшельника.

В современной языковой ситуации «свёртывание» функциональной парадигмы русского языка за счёт отсекаемого диалектного потенциала, разрушение взаимодействия языков коренного населения ведёт к производству прозвищ на базе русского литературного языка, при этом наиболее востребованными становятся

ся внедряющиеся в него иностранные слова, которые обуславливают определённую этимологическую рефлексивность и включают механизмы словотворчества [Гридина 2012], весьма востребованные в прозвищах.

Показательным в этом плане печальнопамятное слово *ваучер*, которое в Оренбуржье стало наименованием не только пустой пластиковой бутылки (таковой оказалась истинная цена этой бумаги в деревне, где до сих пор говорят: «Куплю *ваучер* пива», «Займу *ваучер* масла») и кличкой крупной дворовой собаки, но и весьма показательным прозвищем *Vaucher* – парень, который никому не нужен. Всё это свидетельствует о том, «народное сознание никогда не довольствуется внешним приятием чужого понятия, оно творит своё предстательство» [Колесов 1999:156], которое своеобразно преломляется ономастическом пространстве Оренбуржья.

Многослойность и разноязычность языковой ситуации как отражение времени в координатах пространства трудно поддаётся однозначному «прочтению», особенно в условиях многообразных контактов и смены народов, однако в определённых системах, в частности, ономастических, могут проследиваться основные тенденции языковых изменения и пристрастий, при этом лингвокреативные механизмы остаются прежними, несмотря на изменения языковой базы.

ЛИТЕРАТУРА

Бекасова Е.Н. (а) Креатив на грани языков // Уральский филологический вестник. 2012. Вып. 3. (Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. Вып. 21). URL: <http://journals.uspu.ru/uralskij-filologicheskij-vestnik/serii-vestnika/101-yazyk-sistema-lichnost/yazyk3-2012.html>. (дата обращения: 01.08.2013).

Бекасова Е.Н. (а) Поликультурное образование в Оренбуржье // Языковая политика и социально-правовые аспекты адаптации мигрантов: проблемы, реализация, перспективы: материалы III междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 7–8 июня 2010 г.; в 2 ч. Ч. 1. – Тюмень, 2010. С. 90–92.

Бекасова Е.Н. (а) Система русского языка в контексте языкового и культурного взаимодействия // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: сб. статей междунар.

науч.-практ. конф., Оренбург, 15–16 мая 2013 г.: / отв. за вып. М.И. Вахрушева; Оренб. гос. пед. ун-т; Мин-во образования Оренбургской области. – Оренбург, 2013. С. 18–22.

Бекасова Е.Н. (б) Сокровищница нашего языка // В.И. Даль в мировой культуре: сб. науч. работ. Ч. IV. – Луганск; М., 2012. С. 214–223.

Бекасова Е.Н. (б) Традиции и инновации в современных антропологических системах (по данным русского и тюркского именников) // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: материалы II междунар. науч. конф., Челябинск, 4–5 апреля 2013 г. / под ред. В.Г. Будыкиной. Т. 1. – Челябинск, 2013. С. 56–58.

Бекасова Е.Н. «Напоющий источник» Оренбуржья // Пятые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. – Оренбург, 2011. С. 398–401.

Бекасова Е.Н. Бесценное пособие к познанию национальной биографии // Регионально ориентированные исследования филологического пространства. – Оренбург, 2008. С. 130–135.

Бекасова Е.Н. Оренбургский край как источник лексикографических изысканий В.И. Даля // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования: сб. науч. работ / Ин-т языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины. – Киев, 2002. С. 104–107.

Бекасова Е.Н. (б) «Прозывчивый народ» // Уральские Бирюковские чтения: Культура и образование в регионах: история и современность: материалы всерос. науч.-практ. конф., Челябинск, 21–22 сентября 2010 г. – Челябинск, 2010. С. 358–366.

Бекасова Е.Н. Русские прозвища как отражение ментальности // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений: материалы X Конгресса междунар. ассоциации преподавателей рус. языка и литературы, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. – СПб., 2003. С. 293–303.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография. 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2012.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. (2-е изд., 1880–1882 гг.). – М.: Русский язык, 1998.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999.

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. – Оренбург, 2010.

Словарь русских народных говоров. – М.; СПб., 1965–2007. Вып. 1–41 (издание продолжается).